

МУСУЛЬМАНСКИЙ ПОЛЮС МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ДЖИНН ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Л.Л. Фитуни, И.О. Абрамова

Институт Африки РАН
Российский университет дружбы народов

Статья посвящена малоисследованному вопросу – постепенной трансформации разрозненного множества мусульманских экономик во всё более влиятельный, самозначимый, хотя и внутренне противоречивый центр геоэкономической и геополитической силы полицентричного мира. Статья на конкретном геоэкономическом примере развивает положение сформулированной авторами ранее концепции формирования и смены моделей мирового экономического развития. Уточнены количественные и качественные характеристики цивилизационного измерения этого процесса. Закрепившиеся в последние десятилетия тенденции развития экономического базиса «мусульманского полюса» и прикладные задачи экономического анализа диктуют необходимость коррекции и уточнения существующего категориального аппарата мировой экономики как отрасли экономической науки путём разделения терминов «мусульманская экономика» (цивилизационно специфичная форма развития национальных экономик мусульманских стран; отдельный неотъемлемый элемент глобальной экономики, содержание которого, с одной стороны, – хозяйственное бытие и благосостояние мусульманского населения всех и каждой из стран мира, а с другой – экономический потенциал, устойчивость и способность к саморазвитию экономик мусульманских государств) и «исламская экономика» (экономика, которая реализует на практике примат норм шариата над конвенциональными рыночными нормами, процедурами и механизмами). При этом и та, и другая остаются материальными условиями сохранения цивилизационной идентичности мусульманства. Однако, если политико-правовые и чисто религиозные аспекты отстаивания мусульманской идентичности в современном мире исследованы достаточно внимательно, то аспект обретения весьма неоднородным мусульманским миром нового качества самостоятельного центра экономической силы и его конкуренции с другими, старыми и новыми акторами за достойное место в нём и гарантию прав населения в глобальном экономическом мироустройстве практически отсутствуют в отечественной и зарубежной литературе. В статье даётся авторское видение нового качества мусульманских экономик как консолидирующейся общности в мировом балансе сил, формирующихся моделях глобального мироустройства, финансовой глобализации и глобального управления. Авторы приходят к выводу, что этот процесс ещё весьма далёк от достижения зрелых или завершённых форм. Сегодня едва ли можно достоверно предсказать конкретные конфигурации будущей самоорганизации «мусульманского полюса» полицентричного мира и характера его влияния

УДК 339.9, JEL F6

Поступила в редакцию 18.07.2018 г.

Принята к публикации 12.08.2018 г.

на конкретные вопросы глобального миропорядка. Однако, точка невозврата им уже пройдена, и болезненный и противоречивый процесс вызревания такого центра вряд ли остановится.

Ключевые слова: мусульманская экономика, исламская экономика, исламские финансы, геоэкономика, миропорядок, полицентричность, глобальное управление, цивилизационная идентичность, глобальный баланс сил.

Во втором десятилетии XXI в. реальный ход глобализации и её последствия начали обретать новые черты и характеристики, появления которых мало кто ожидал на её начальных этапах. Противоречие между сущностной первоосновой глобализационной идеи – разрушением национально-государственных преград и перегородок, стоящих на пути поступательного роста производства и расширения рынков товаров и услуг – и быстро меняющимся соотношением сил вовлечённых акторов, интересы которых в конечном итоге (по крайней мере, пока ещё) защищает или воплощает национальное государство, породило в мире зримое попятное движение и пересмотр её изначальных оптимистичных сценариев.

Как следствие, сегодня мы наблюдаем кризис или, по меньшей мере, существенные трудности в функционировании институтов и инструментов глобализации в их изначальной задуманной форме: рост протекционизма, игнорирование норм её институтов (например, ВТО), обмен санкциями, торговые войны, замедление и угроза свертывания интеграционных процессов в ряде регионов мира и т.д.

Причины происходящего во многом связаны с тем, что глобализация как политический проект, продвигаемый прежде всего финансовыми и политическими элитами Запада (в отличие от одноимённого объективного процесса развития мировых производительных сил), наряду с целым рядом преимуществ, оказалась чревата неожиданным ослаблением глобальных позиций её проponentов по ряду ключевых направлений как в экономическом, так и в геостратегическом плане.

Идеальным условием для сохранения изначального задуманного хода этого проекта, как представляется, было бы сохранение однополярного миропорядка, установившегося на короткий по историческим меркам промежуток времени после окончания холодной войны. Однако, джинн глобализации уже вырвался из бутылки, а, как известно из художественной литературы, конечные результаты его действий часто не совпадают с пожеланиями обладателей сосуда. Глобализация не только не сгладила, она существенно усилила неравномерность социально-экономического развития государств и целых регионов мира.

В ходе глобализации некоторые страны усилили свои позиции, сумев на какое-то время закрепить наиболее благоприятную для них схему миропорядка и правил игры. Ограниченное число стран получило мощный импульс к ускорению своего развития и укреплению позиций на мировой арене. Другие пребывают в затяжном застое или оказались маргинализированы. Третьи вовсе исчезли с карты мира.

На десятилетие-полтора сложилось впечатление, что воцарился т.н. однополярный мир, наступил «конец истории». Но реальный ход глобализационных процессов стал подтачивать этот однополярный мир изнутри и снаружи. Изнутри – усилив конкуренцию внутри западного блока стран, а извне – создав альтернативные центры экономической и политической силы в мире. В результате некоторое число развивающихся стран сумело успешно встроиться в глобализацию и потеснить архитекторов глобального мира по многим ключевым экономическим параметрам.

Глобализация ускорила и детерминировала определяющие черты нынешнего этапа объективного процесса *формирования и смены моделей мирового экономического развития* (ММЭР). В наших предыдущих публикациях мы подробно описали суть этого процесса, отметив, в частности, что речь идёт о преодолении накапливавшихся десятилетиями дисбалансов и противоречий в мировой экономике¹. В самом общем смысле эти изменения можно характеризовать как перераспределение соотношения сил между старыми (доминировавшими и прежде) и «новыми» (восходящими) глобальными игроками, неизбежным следствием чего становится изменение баланса сил между действующими государственными, субгосударственными и негосударственными акторами [18, с. 6].

В силу понятных причин к «старым игрокам» относят в основном страны Запада (как по отдельности, так и в форме «коллективного Запада» или его объединений). «Новые игроки» – восходящие экономики, главным образом крупные и многонаселенные государства, такие как Китай, Индия, Бразилия, Мексика, Индонезия и др. Несмотря на имеющиеся противоречия, старые игроки имеют тенденцию выступать по ключевым проблемам миропорядка и глобального управления с консолидированных позиций. Новые – в значительной степени разобщены и по большей мере стремятся отстаивать собственные страновые интересы и позиции. Даже наиболее продвинутое объединение новых игроков – БРИКС – пока ещё не может похвастаться большей эффективностью своих консолидированных действий на мировой экономической арене по сравнению с, казалось бы, «раздираемым противоречиями» Западом [21].

¹ Смену ММЭР не следует путать с марксистской теорией формационного развития. При смене ММЭР не происходит коренного изменения в отношениях собственности на средства производства. Ключевые трансформации ограничиваются изменениями институционального характера, при которых происходит подгонка существующих правил игры в мире под реальный изменившийся баланс сил в нём. Базисные основы отношений не перестраиваются кардинально. Они лишь корректируются в необходимой мере для того, чтобы преодолеть накопившиеся препятствия для поступательного экономического роста и развития мировой экономики и бизнеса. Подробнее о теории ММЭР см. [18].

Обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от изучения новых страновых центров силы в мире (Китай, Индия и т.д.), проблематике возникновения новых «коллективных» полюсов уделяется относительно небольшое внимание. Исключение составляет лишь уже упоминавшееся объединение БРИКС. Однако нельзя не отметить и определённое уменьшение внимания даже к данному объединению в последние несколько лет.

Между тем весь опыт последних десятилетий свидетельствует, отдельные страны, как старые, так и новые игроки, несмотря на размеры их экономик, не в состоянии в одиночку определять правила игры в развитии мировой экономики. С углублением глобализации роль страновых центров экономической силы относительно снижается, а коллективных растёт. В этом смысле, по-видимому, БРИКС ещё не сказал последнего слова. Но, что ещё важнее, нельзя игнорировать и другие вызревающие или только начавшие консолидацию потенциально возможные центры экономической и политической силы в мире.

Полицентричность и мусульманский мир: постановка проблемы

Развитие глобализационных процессов оказало мощное влияние не только на мировую экономику, но и на диффузию цивилизационно-культурных ареалов в масштабах всего человечества. Сильному экзогенному воздействию и проистекающим из этого воздействия деформациям подверглись ключевые сферы бытия, до того времени воспринимавшиеся как атрибуты суверенной идентичности отдельного государства: политическая, экономическая, духовная, культурная, историко-цивилизационная и т.д. Основной же характеристикой глобальной политики и эволюции миропорядка стало ускорение движения от однополярного мира к многополярности, от навязываемой старыми игроками моноцентричности к полицентричности.

Оказалось, что в формировании экономических и политических центров силы полицентричного мира немалую роль играют религиозные и цивилизационные факторы [29; 28]. В этом контексте особый интерес представляет процесс последовательного усиления экономических позиций мусульманского мира. Последний, по нашему мнению, имеет достаточный экономический и политический потенциал для превращения со временем во влиятельный центр силы полицентричного мира.

Теоретические аспекты развития многополярного и полицентричного мира подробно раскрыты в работах отечественных исследователей, среди которых можно особо выделить труды Е.М. Примакова [11], А.А. Дынкина [12], Н.А. Симонии [13], А.В. Торкунова [15]. Авторы данной статьи выдвинули ряд теоретических положений и закономерностей формирования и смены моделей мирового экономического развития как фундаментальной первоосновы вызревания центров экономической и политической силы в конкретной системе миропорядка [17; 18; 20]. Целый ряд релевантных для подтверждения отдельных

положений данной статьи прогнозов, касающихся отношений между локальными человеческими цивилизациями в их политико-стратегическом и военном аспектах, даны в недавних публикациях авторов Центра военно-политических исследований МГИМО [9; 10].

Многие исследователи касались темы роста глобальной политической значимости мусульманского мира в международных отношениях и его международно-политической самоорганизации [5; 7; 14; 22; 24; 25]. Среди большого количества трудов подобного рода следует особо отметить книгу Н.В. Жданова «Исламская концепция миропорядка» [2], вышедшую в 2003 г. и намного опередившую своё время. В недавние годы повышенный интерес вызывали вопросы исламской экономической модели и исламских финансов. Из множества работ отметим, в частности [1; 3; 8; 16; 26]. Вопрос об экономическом базисе «мусульманского полюса» полицентричного мира, рассмотрение которого является целью данной статьи, по нашим сведениям, исследуется впервые.

Возвышение на общемировом и региональном уровне таких мусульманских стран как Индонезия, Турция, Саудовская Аравия, Иран или Нигерия не вызывает сомнения. Говоря о новых «восходящих» центрах силы, чаще всего упоминают вроде бы «неисламские» Китай и Индию. Но не следует забывать, что, например, мусульманская часть населения Индии составляет примерно 220 млн чел. С точки зрения количественной (но не качественной) оценки трудового потенциала, это равно примерно половине населения всего Евросоюза. Его «условная демографическая перспективность» (темпы прироста трудовых ресурсов, повышение уровня квалификации, образования и т.д.) намного выше. Считается, что в Китае к этносам, традиционно исповедовавшим ислам, принадлежит от 21 до 25 млн чел. В условиях социализма, скорее всего, далеко не все они являются практикующими мусульманами, но приводимая цифра примерно равна суммарной численности населения трёх скандинавских стран и Финляндии вместе взятых.

Наши исследования закономерностей трансформации ММЭР показали, что фактор религиозно-цивилизационной идентичности в современном мире может выступать важным сближающим началом при объединении отдельных «восходящих» государств в консолидированный центр экономической и политической силы глобального значения [18]. Как в стихийном, так и в управляемом общественном процессе он хорошо ложится в фундамент различных конфигураций интеграционных экономических связей, межгосударственных альянсов и политических союзов.

Вопросы о строгости дефиниции, о необходимом и достаточном уровне консолидации «мусульманского полюса» на нынешнем этапе не представляются главными. Ответы на них зависят от конкретного соотношения экономических, политических и военных сил в мире. Можно ли в этом контексте говорить о реальности осмысленного сближения экономик мусульманского мира до такой степени, что с этой консолидированной силой придётся считаться? Некото-

рые косвенные признаки консолидированных экономических действий (пусть и краткосрочных), основанных на религиозной солидарности, уже имели место. Речь идёт и о предпринимавшихся попытках экономического бойкота Израиля, и о нефтяном эмбарго 1973 г., вызвавшем энергетический кризис и спад в мировой экономике.

Таким образом, отнюдь не закрывая глаза на силу имеющихся разобщающих факторов и усилия ряда внешних сил сохранить эту разобщённость, нельзя преуменьшать и мощные объективные цивилизационные предпосылки к консолидации. Ведь, например, при всём многообразии Запада и существующих внутри него противоречий, несмотря на отсутствие общепринятых чётких дефиниций понятия «экономика Запада», под этим термином недвусмысленно понимается вполне конкретная мировая экономика. Насколько реально тогда ожидать, что с течением времени подобным образом будет восприниматься реальность некоей глобальной «мусульманской экономики» (МЭ)?

Ставя вопрос таким образом, мы далеки от мысли видеть (пусть даже гипотетически) мусульманские страны как некий единый экономический или военно-политический блок в нынешнем понимании этого термина. Непременным условием для практической реализации подобного сценария является рост взаимосвязи и взаимозависимости экономик отдельных мусульманских стран. Напомним, что мы ведём речь о мусульманских экономиках не как о реализации в хозяйственной жизни положений исламского права, а как о современной геоэкономической реальности, сформировавшейся в определённом цивилизационном контексте и уже мощно влияющей на баланс экономических сил в мире.

В этом смысле фактор «мусульманскости», пока ещё не ставший однозначно объединяющей силой, уже бесспорно превратился для этих стран в идентификационный критерий, на базе которого другие мировые центры силы (в особенности «старые»), в своих глобальных расчётах объединяют эти государства в общую группу, не спрашивая на то их согласия. Тем самым, вольно или невольно, намечаются границы и связующие деноминаторы для возможной консолидации. При этом в глазах тех, кто прочерчивает подобные разделительные/объединительные линии, ключевыми оказываются вовсе не *конфессиональные* особенности или этико-правовые нормы господствующей религии, а как раз соображения *геополитического, экономического и военно-стратегического* характера [9]. Это как раз те параметры, которые определяют баланс сил в мире, конфигурации миропорядка и нормы мироустройства.

В подтверждение сказанного напомним, что для мировой экономики и политики начало нынешнего тысячелетия прошло под знаком нарастания влияния двух, казалось бы, весьма разнопорядковых явлений – процесса глобализации и международного терроризма. Первое из двух какое-то время в основном сопровождалось определением «финансовая». Однако вскоре термин был распространён и на иные сферы экономики, а позднее – едва ли не на всю гамму социальных и политических отношений в мире.

Что касается терроризма, то, несмотря на сохраняющееся фактическое многообразие его проявлений, на рубеже веков упоминание о нём почти неизменно сопровождаются привязкой к вполне конкретному религиозному источнику. В конце 90-х – начале нулевых годов западная печать без обиняков именовала его «исламским». Примерно со времени агрессии США и введённых ими младших партнёров в Ираке появилось внешне более политкорректное определение «исламистский». Впрочем, это слово с трудом поддавалось адекватному переводу на национальные языки мусульманских стран, да и в самих странах Запада не приветствовалось основной частью местных исламских диаспор. В результате на смену ему пришло новое определение – «джихадистский», которое особенно быстро стало утверждаться в СМИ и академической литературе с выносом группировкой ИГИЛ/ИГ² своей активности за пределы мусульманского мира. Несмотря на смену эпитетов и политкорректные оговорки в речах и, что особенно важно, делах Запада, мусульманский мир при всём своём многообразии и противоречивости упорно выдвигался в качестве (официально не провозглашаемой, но реальной) *консолидированной* угрозы западным ценностям и образу жизни.

Широко распространившиеся с 1990-х гг. идеи неизбежного столкновения цивилизаций, прогнозы С. Хантингтона о неотвратимости в недалёком будущем противостояния между западным и исламским мирами [27] не могли объективно не способствовать вынужденной политической консолидации мусульманского мира и создания предпосылок для превращения в перспективе их экономик в самозначимую общность в мировом хозяйстве. Этому способствовали и такие факторы, как схожесть их специализации в международном разделении труда (прежде всего, энергосырьевая), наличие, несмотря на все страновые различия, значительных финансовых и инвестиционных ресурсов (нефтегазодобывающие мусульманские страны) и сформировавшихся финансовых центров мировой значимости (ОАЭ).

При этом глобализация как *объективный социально-экономический процесс* планетарного масштаба естественным образом неизбежно вовлекла в себя и мусульманские страны. Но глобализация как *проект* построения монополярного мира, основанного на западных цивилизационных ценностях и либерально-рыночном хозяйстве, как в ряде других частях планеты, в мусульманском мире столкнулся с очевидными трудностями.

В этом смысле даже развернувшаяся глобальная борьба с международным терроризмом (в последнее десятилетие почти целиком сводимом в информационном поле к исламизму/джихадизму, в том числе в форме ИГИЛ/ИГ), стала фактором, способствующим консолидации будущей глобальной МЭ. Справедливые действия международного сообщества, перемежавшиеся непродуманными огульными обвинениями, ускорили динамику разнообразных и многоурав-

² Организация запрещена в Российской Федерации

невых процессов объединения и размежевания внутри исламской уммы и среди мусульманских государств.

Ирония истории состоит в том, что в аспекте мирового хозяйства даже проект «Исламского государства» в форме всемирного халифата неизбежно оказывается не чем иным, как альтернативной моделью «глобальной мусульманской экономики». Ведь в конечном итоге ИГИЛ претендовало на глобальную функцию, мусульманского цивилизационного ответа на концепцию гражданского общества, предложенную западной цивилизацией [19].

В свете изложенного, при всём своём многообразии и внутренней противоречивости в условиях полицентричности мусульманский мир уже сейчас претендует на роль одного из реальных центров политической и экономической силы. Сегодня мусульманский мир – компактная по мировым меркам зона концентрации огромного потенциала производительных сил, поступательно и устойчиво наращивающая свою глобальную значимость. Без учёта тех стран, где мусульмане не составляют большинства населения, она объединяет чуть менее 40 государств. В 28 странах мира ислам является государственной религией. Пять стран (Афганистан, Гамбия, Иран, Мавритания, Пакистан) юридически провозгласили себя исламскими государствами, записав это в конституции и включив слова «исламская республика» в свое официальное наименование. Мусульмане составляют примерно четверть всех земель.

Категориальный аппарат

Российский исследователь мусульманской экономики Р.И. Беккин отмечал, что в реальном мире не существует единой мусульманской экономики [1; 6]. Видимо, не может быть и одной её модели, применимой ко всему многообразию мусульманских государств. В то же время, вне сомнения, существуют изложенные в Коране и Сунне единые базовые принципы, которыми в идеале должны руководствоваться в экономических делах богопослушные мусульмане [1].

Ответ на вопрос о том, насколько использование категории «экономика» к доктринальным принципам религии, на наш взгляд, всегда будет в значительной степени субъективным. Вместе с тем налицо необходимость отражать в исследовательском нарративе и повседневной прикладной практике управленцев и бизнесменов мусульманских государств объективно существующие особенности организации и практики ведения хозяйственных, финансовых и иных подобных отношений в «восточных обществах».

В этой связи в интересах изучения феномена, ставшего предметом данного исследования, нам представляется целесообразным категориально разграничить явления, обозначающие экономику, создаваемую полностью или преимущественно на основе мусульманского права (шариата) и реальную современную экономику мусульманских стран. Для удобства дифференциации (и только

для этого, а не из-за разницы в семантике!) назовем первую «исламской экономикой» (ИЭ), а вторую «мусульманской экономикой» (МЭ).

Предугадывая возможные искажения нашей мысли оппонентами, сразу оговоримся и многократно подчеркнём, что такое разделение не является противопоставлением или размежеванием исходных *прилагательных* «исламский» и «мусульманский». Эти слова полные синонимы. В арабском языке второе слово изначально является производным от первого, а оба они – происходят от корня, обозначающего название религии – «ислам».

Для чего, с нашей точки зрения, полезно такое терминологическое разделение и выделение «мусульманской» и «исламской» экономики в отдельные категории, обозначающие связанные, но различные понятия? Такой шаг, как нам представляется, необходим для более адекватного объяснения и достоверной характеристики процесса вызревания описываемого нами нового центра притяжения экономических и политических сил в полицентричном мире.

Терминологическое разделение структурирует важные классификационные звенья в современном научном знании. Размежевание категорий позволяет понять сущностные характеристики, движущие механизмы и возможные результаты сложных социально-экономических перемен большой глубины и значимости, происходящие непосредственно в самом мусульманском мире (уровень ИЭ), и на более высоком уровне глобальной экономики (МЭ). И те, и другие лежат в основе обостряющихся в настоящее время кризисных процессов и переходов (транзитов) в различных мусульманских регионах.

Рассматриваемые категории и обозначающие их термины не противостоят друг другу. Более того, в жизни они частично перекрываются в содержательном плане. В какой степени это имеет место, зависит от конкретных условий страны. Скажем, в Иране эта степень выше, в Турции – ниже.

Исходя из предложенных критериев, любая «исламская экономика» является «мусульманской», поскольку её носителями являются мусульмане, а географически как целостное явление она может существовать только в мусульманском государстве (в противоположность отдельным экономическим и финансовым услугам, предоставляемым с учётом требований исламского права, которые могут оказываться, например, в Англии или Китае).

С другой стороны, не всякая «мусульманская экономика», согласно предложенной нами классификации, является «исламской». Если говорить о конкретных государствах, то, например, экономики Турции, Албании, Азербайджана, Казахстана, Киргизии или Боснии и Герцеговины и т.п. таковыми не являются. При этом даже в экономиках светских государств, населённых мусульманами, будут присутствовать индивидуальные черты, сформировавшиеся под влиянием того, что доминирующая часть жителей исповедует ислам. Нередко на это будут ещё наслаиваться и национальные или этнические особенности экономического поведения. Все вместе они формируют там *страновую (национальную) мусульманскую экономическую идентичность*.

Общие и специфические черты «мусульманских экономик» могут находить отражение в особенностях структуры ВВП или отдельных секторов экономики, вкладе определённых отраслей в формирование национального дохода, развитости или неразвитости каких-то производств, практик, видов сервиса или операций. Например, в составе аграрного сектора может практически отсутствовать свиноводство, или производство алкогольных напитков. Будут слабо развиты некоторые финансовые институты, инструменты и рынки. Индустрия развлечений не будет включать игорный бизнес, а индустрия гостеприимства будет характеризоваться гипертрофированным развитием религиозного туризма. И наоборот, могут появляться производства и целые отрасли, широко распространённые только или преимущественно в мусульманской экономике («халяльный» сектор пищевой промышленности, исламские финансы, производство уборов для хаджа и атрибутов для совершения обязательных ритуалов).

Названные выше ограничения, характерные для конкретной «мусульманской экономики», скорее всего, будут существовать не в силу прямого запрета на них со стороны государства, а в силу этических и канонических норм и традиций. Даже в наиболее светских мусульманских странах (в той же Турции) эти особенности чётко ощущаются в реальной жизни.

Завершая дифференциацию терминов, отметим, что «исламская экономика» в своей полноте и абсолюте в современном мире не существует. Изобличительная риторика Корана и примеры Сунны говорят о том, что в качестве таковой её не было даже во времена Пророка. В сегодняшней реальной жизни она может быть реализована лишь с большей или меньшей степенью приближения. В воплощаемой на практике «исламской экономике» всегда будут присутствовать изъяны, допущения и исключения. Это, в частности, подтверждает и ограниченность успехов ИГИЛ на экономическом поприще. Сказанное позволяет сделать вывод: стопроцентно чистая ИЭ – скорее идеал богослова и праведника, чем практически работающая самоподдерживающаяся модель функционирования современного народного хозяйства.

В противоположность ИЭ «мусульманская экономика» не есть воплощение предустановленных канонов религии. Она такова, какова она есть в почти полусотне стран мира. Она – объективная реальность и неотъемлемая часть мировой экономики со своими, описанными выше специфическими чертами и характеристиками, которые позволяют выделять её из глобальной экономической общности и определять, как таковую.

Абсолютизация специфических черт МЭ необоснованна и даже вредна, как любая крайность. Однако игнорирование существующих культурно-цивилизационных и конфессиональных реалий, попытки механически, а порой и насильственно перенести в страны с мусульманским населением рецепты либерально-рыночных светских начал (на деле их имплементация зачастую реализуется с религиозным фанатизмом и бескомпромиссностью) часто приводит к пагуб-

ным последствиям. Достаточно вспомнить 1980-е и 90-е гг. с их программами «структурной адаптации МВФ» для стран «третьего мира» или «Вашингтонский консенсус» с его результатами.

МЭ, будучи типологической общностью, пока не сформировалась в интегрированную гомогенную сущность, развивающуюся и работающую по своим специфическим законам. Имеются первичные признаки потенциальной возможности трансформации в этом направлении. Однако они ещё слабы и не универсальны – ни географически, ни субстантивно, ни институционально. Они идут параллельно и в постоянной борьбе с противостоящими им процессами глобализации по западным либерально-рыночным лекалам, хотя иногда в узких сегментах мировой экономики и возникают сферы глобального управления (ГУ), в которых правила игры задают мусульманские страны (например, глобальное управление «исламскими финансами», о чём будет речь ниже).

По нашему мнению, маловероятно в ближне- или даже среднесрочной перспективе ожидать превращения мусульманского мира в жёстко очерченный общий центр силы, сравнимый по уровню сплочения, например, с «глобальным Западом». Последний при всех различиях и нюансах интересов и возможностей выступает в целом с общих, консолидированных позиций, в том числе по вопросам мировой экономики, торговли, финансов и т.д. В то же время нельзя не видеть, что – пусть медленно – МЭ, представленная сообществом мусульманских государств, начинает обретать значение самодостаточного центра силы в мире.

Существуют международные институты, такие как Организация исламского сотрудничества, ОИК (до 2011 г. Организация Исламская конференция), которые принимают и транслируют функции *глобального управления* ею. Заслуживают упоминания и другие уже функционирующие институции исламского мира, в мандат которых входят именно вопросы экономики, финансов, развития. Даже простое их перечисление свидетельствует об их многочисленности, широте компетенций и диверсифицированности сфер координации и совместного контроля: Исламский банк развития, Исламский фонд развития, Исламская комиссия по экономическим и культурным вопросам, Исламский центр по профессионально-техническому обучению и исследованиям, Исламский фонд научно-технического развития, Центр по статистическим, экономическим и социальным исследованиям, Комитет исламской солидарности с мусульманскими африканскими странами зоны Сахеля, Исламская ассоциация судовладельцев, Исламский центр развития торговли Исламская торгово-промышленная палата и др. Степень их влияния в глобальной экономике неодинакова.

В силу того, что МЭ располагает значительными свободными капиталами исламские международные экономические институты глобально более влиятельны в таких областях как глобальное управление, валютно-финансовое управление, поменьше в сферах управления природными ресурсами (например, Организация арабских стран-экспортёров нефти) и, к сожалению, весьма слабо в сферах, определяющих магистральные пути инновационного развития

мировой экономики и регулировании возникающих при этом международных отношений (НИОКР, ИКТ, новые технологии и материалы и проч.)

Исламские финансы и альтернативные модели глобального управления

Финансовое глобальное управление – ключевой компонент всей системы экономического миропорядка, обеспечивающий управляемость системы в целом в нужном направлении. Именно на этом направлении МЭ сумела закрепить за собой вполне реальный и признанный и старыми, и новыми центрами силы, хотя и узкий, но динамично развивающийся сегмент.

Речь идёт об исламских финансах (ИФ). Это одна из немногих областей мировой экономики, глобальное управление которой осуществляется *без видимого и однозначного доминирования ведущих западных держав* [8]. Это существенная характеристика может рассматриваться как существенный индикатор возможного выхода в будущем МЭ на роль мировой силы, определяющей глобальные правила игры в той сфере, в которой Запад по определению на неё претендовать не в состоянии.

В то же время, будучи встроенными в международную систему валютно-кредитных и, шире, экономических отношений, исламские финансовые институты (ИФИ), где бы они ни работали, вынуждены ориентироваться на принятые в мире стандарты финансового регулирования и выполнять определённые требования, предъявляемые к участникам мирового финансового оборота.

За исключением СНГ, где работа ИФ, несмотря на довольно продолжительный период присутствия, всё ещё воспринимается как инновационный продукт [16], финансовое законодательство мусульманских стран, как правило, строится с учётом рекомендаций специальных международных структур, формирующих нормативную среду в области именно ИФ. Признаваемый государством исламский финансовый бизнес обязан соблюдать устанавливаемые им нормы. Западные финансовые учреждения, работающие в сфере ИФ (в ЕС, Северной Америке, Гонконге, Сингапуре, Австралии), исполняют эти требования в добровольном порядке [8].

Почти все международные структуры, регулирующие ИФ, имеют штаб-квартиры в зоне МЭ. С точки зрения глобального управления, они исполняют роль институтов международного (исламского) финансового регулирования. Их задача – сформировать правовое поле, в котором источником права выступает шариат, не только для мусульманских стран, но и для подразделений исламского банкинга крупных кредитных учреждений всего мира. К числу главных исламских институтов глобального финансового управления можно отнести: специализированные организации Исламского банка развития (IDB, ICD, IRTI, ICIES, ITFC), Совет по исламским финансовым услугам (IFSB), Организацию по бухучету и аудиту в исламских финансовых институтах (AAOIFI), Организацию Международных исламских финансовых рынков (IIFM), Международное

исламское рейтинговое агентство (IIRA), Международный центр образования в области исламских финансов (INCEIF) [8].

К исламским институтам глобального управления, не специализирующимся на ИФ, относится Всемирный исламский экономический форум, со штаб-квартирой в Куала-Лумпуре (Малайзия). Его уставные документы провозглашают в качестве целей деятельности повышение экономического благосостояния мусульманских стран. Форум содействует диалогу и сотрудничеству между всеми деловыми людьми (как мусульманами, так и немусульманами), поскольку рассматривает его в качестве моста на пути к пониманию и взаимодействию между мусульманским и немусульманским миром.

Глобальный потенциал мусульманской экономики

В настоящее время МЭ, измеряемая как сумма номинального ВВП 35 мусульманских стран мира³ (здесь и ниже, если не оговорено особо, ВВП в расчёте по текущему обменному курсу), составляет в общей сложности почти 7 трлн долл. США (примерно 8% общемирового). Усреднённый ВВП на душу населения в рамках глобальной «мусульманской экономики» примерно равен 3888 долл. в год. Для сравнения, ВВП Китая, численность населения которого приближается к суммарному числу жителей мусульманских стран (но всё же заметно меньше) в последние несколько лет колеблется на уровне 11-11,5 трлн долл. (13% мирового), а ВВП на душу населения – 8 214 долл. Крупнейшей мусульманской экономикой является Индонезия. В 2017 г. она стала первой страной в исламском мире, чей ВВП превысил 1 трлн долл. при численности населения в 261 млн чел. Вторая страна мира по численности мусульманского населения – Индия (оценка 2017 г. – 179 млн чел.), но они являются там религиозным меньшинством, поскольку составляют немногим более 14% всего населения. Вторая по объёму ВВП мусульманская экономика у Турции (842,1 млрд долл. при 82,1 млн жителей). Далее формально следует ряд экономик нефтедобывающих стран – Саудовской Аравии (648 млрд), Ирана (ок. 400 млрд) и др., но у этих государств величина ВВП сильно зависит от мировых цен на нефть. В результате объём ВВП «гуляет» в последние четыре года в пределах суммы 100-150 млрд долл. Отдельного упоминания заслуживает быстро развивающаяся и модернизирующаяся экономика Малайзии (почти 300 млрд долл. при населении 33,4 млн чел.). Ожидается, что экономика (ВВП) этой страны в 2022 г. превзойдет символический рубеж в 500 млрд долл.⁴

³ Из-за правовых нюансов (часть стран с преобладанием мусульманского населения являются частично признанными, не рассматриваются всем мировым сообществом в качестве независимых и суверенных государств, например: Западная Сахара, Косово, Республика Северного Кипра, Абхазия, Сомалиленд и др. В ряде стран правительство препятствует распространению информации о том, что мусульманская часть населения из религиозного меньшинства превратилась в большинство и т.п. В результате число стран мира с преобладанием мусульманского населения по разным источникам варьируется от 35 до 47.

⁴ World Economic Outlook Database [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/index.aspx> (дата обращения: 22.06.2018)

Усреднённые цифры скрывают огромные межстрановые различия. Такие страны как Катар, ОАЭ, Кувейт и Саудовская Аравия входят в число мировых лидеров по величине валового национального дохода на душу населения. Другие, такие как Сомали, Нигер, Джибути находятся в конце этого рейтинга. Из 45 стран мира, официально относимых ООН к разряду наименее развитых государств, 18 мусульманских и ещё в пяти мусульмане составляют значительную часть населения.

Диверсификация и модернизация экономик – одна из самых актуальных задач для мусульманских стран. Сравнительно небольшое число из них (Малайзия, Иран, Пакистан, Египет, Индонезия и некоторые другие) располагают относительно развитыми многоотраслевыми народнохозяйственными комплексами. Остальные либо слабо развитые, преимущественно аграрные экономики, либо народнохозяйственные комплексы с гипертрофированным развитием добывающих отраслей.

Во многих мусульманских странах удельный вес промышленности в ВВП очень мал. Основная часть стоимости валового продукта создаётся в первичных секторах (сельское хозяйство, добыча сырья) или в сфере торговли и услуг. Самые богатые экономики (монархии Персидского залива, другие нефтегазодобывающие страны) – в основном рентные экономики. Доля обрабатывающих отраслей в ВВП в мусульманских странах, как правило, невелика. Едва ли ни единственное исключение – Малайзия с удельным весом высокотехнологичной продукции в экспорте, равным 42% в 2017. Однако этот показатель у неё устойчиво снижается с тех пор, как в 2000 г. достиг пика в 60%. В районе 30% процентов в последние шесть лет держится этот индикатор у Казахстана и на уровне 12-15% – у Брунея. У всех остальных мусульманских экономик, включая даже такую относительно диверсифицированную как Турция, доля высокотехнологичной продукции в экспорте ниже 10%, а более чем у половины она колеблется между 1 и 5 %⁵.

Серьёзный интерес и одновременно проблему представляет вопрос о том, насколько и каким образом глобальная «мусульманская экономика» сможет вписаться как самодостаточный центр полицентричного мира в ключевые глобальные мегатренды, связанные с «большими вызовами» в социально-экономической сфере (включая научно-технологические аспекты). Особую остроту вопросу придаёт тот факт, что в условиях усиливающейся конкуренции со стороны новых игроков США, ЕС и их союзники в средне- и долгосрочном плане отводят мусульманскому миру важную роль в обеспечении управляемости международно-политической и экономической глобализацией.

⁵ Высокотехнологичный экспорт в Малайзии, Ближнем Востоке и Северной Африке в 2016 г. по данным Всемирного Банка. [Электронный ресурс]. URL: http://data.trendeconomy.ru/dataviewer/wb/wbd/wdi?kf=WDI&time_period=2005,2006,2007,2008,2009,2010,2011,2012,2013,2014,2015,2016&ref_area=MNA,MYS&series=TX_VAL_TECH_MF_ZS (дата обращения: 22.06.2018)

Модернизация мусульманской экономики и НИОКР

В изменившихся геополитических и геоэкономических реалиях ведущие мировые державы стали уделять повышенное внимание формированию новых альянсов и конвергентных геоэкономических построений, получивших в западной специализированной литературе название «экономических мегаколлабораций», которые включают перспективные быстрорастущие районы развивающегося мира. Новый феномен рассматривается на Западе как одна из фундаментальных инновационных характеристик трансформации мировой экономики и международных отношений в рамках «Грядущей (новой) производственной революции» – NPR, Next (в других документах New) Production Revolution.

Зона МЭ пока значительно отстаёт от всех регионов мира за исключением субсахарской Африки (ССА) по потенциалу и инвестициям в научно-техническое развитие, а по темпам прироста капиталовложений в эту сферу и числу научных публикаций в последнее время ССА опередила МЭ⁶.

Расходы на НИОКР в исламском мире необычайно низки. В 2017 г. из 40 стран мира с самыми крупными расходами на НИОКР только восемь являлись мусульманскими. В 2017 г. лидерами среди них были Турция (11-е место в мировом рейтинге по валовым расходам на НИОКР по ППС), с суммарной величиной расходов в 16,93 млрд долл. (3.31% ВВП) и Иран – 25-е место с 11,46 млрд долл. и 1.27%, соответственно. Ниже в рейтинге (26-е место) оказалась Малайзия, у которой абсолютная величина расходов была чуть выше, но из-за несравненно больших, чем у Ирана, масштабов экономики доля НИОКР в ВВП оказалась существенно ниже – всего 0,50%. Кроме того, в рейтинг попали следующие мусульманские экономики: Индонезия (28-е место), Катар (29-е), Саудовская Аравия (32-е), Египет (33-е), Пакистан (37-е) и Бангладеш (40-е).

Важным позитивным фактом, косвенно свидетельствующим о технической модернизации МЭ, является то, что средние расходы на НИОКР по мусульманскому миру увеличились с 0,2% в 2006 г. до почти 0,9% в 2017 г., немного не дотянув до рекомендуемой ООН величины в 1% от ВВП⁷. Для сравнения укажем, что Израиль (22-е место) тратил в 2017 г. на НИОКР более 3% своего ВВП (ППС), а Россия (8-е место) – 1,52%.

Правительство Турции, исходящее из важности перехода к экономике знаний, планирует к столетнему юбилею турецкой светской республики в 2023 г. довести расходы на исследования и разработки по крайней мере до 3,0%. Согласно статистике системы реферирования и индексирования Scopus,

⁶ Сравнение приводится в целях более наглядной демонстрации критического положения дел с НИОКР в зоне МЭ. Для компаративных статистических исследований оно не подходит, поскольку 12 из 42 стран ССА входят в состав МЭ (авт.).

⁷ Science Spending in the Islamic World [Электронный ресурс]. URL: http://materialsismica.com/index.php/Science_Spending_in_the_Islamic_World (дата обращения: 22.06.2018)

в числе 25 стран-лидеров по количеству научных публикаций лишь две мусульманские – Турция (2016 г. – 20-е место, 434 806 публикаций) и Иран (22-е место, 333 474 публикаций).

Однако, с качественной точки зрения, научные статьи, публикуемые в мусульманских странах, не дают ответа на вопрос относительно направлений и эффективности процесса научно-технической модернизации вообще и экономики в частности. Анализ публикаций показывает поразительные дисциплинарные и географические различия. В целом авторы из мусульманских стран мало публикуются по медицине и социальным наукам. По этим наукам немного лучше, чем в других регионах, обстоят дела в мусульманских странах Южной Азии и Африки. В странах Центральной Азии лидируют публикации по химии и физике. В Северной Африке, Индонезии и Малайзии – науки о жизни и, отчасти, технические науки. В странах Ближнего Востока и Северной Африки, а также в Саудовской Аравии – по техническим специальностям. Мусульманские экономики регистрируют крайне мало патентов. Не удивительно, они оказываются внизу рейтингов по такому показателю, как доля высокотехнологичной продукции в общем экспорте. Такая ситуация порождает неуверенность в возможности МЭ воспользоваться плодами «Грядущей (новой) производственной революции» даже у мусульманских исследователей.

Новое мироустройство и модели исламской экономической модернизации

Насколько критичны минусы современной МЭ и насколько значимы её достижения с точки зрения позиционирования в формирующейся ММЭР и полицентричной модели мироустройства? Преодолимо ли отставание?

В принципе за счёт своих масштабов, суммарной численности населения и критически важных запасов, всё ещё незаменимых для развития мировой экономики ресурсов – углеводородов МЭ, как нам представляется, могла бы гарантированно и неопределённо долго оставаться значимым центром «второго порядка». Однако такая перспектива вряд ли устроит как государственных, так и негосударственных акторов в мусульманском мире. Они, скорее всего, будут продолжать считать складывающийся миропорядок несправедливым и требовать перераспределения прав и прерогатив в мире, несмотря на своё объективное научно-техническое отставание и ограниченные экономические возможности.

Такая ситуация крайне опасна, поскольку чревата острейшими конфликтами. Ведь когда речь идёт о глобальных центрах силы, то и конфликты неизбежно выносятся на глобальный уровень. Не стоит забывать, что упоминавшаяся выше вторая знаковая проблема начала нашего тысячелетия – международный терроризм – может быть рассмотрена как асимметричный силовой ответ располагающему заведомо большими возможностями и ресурсами противнику.

Возможная реакция на этот ответ также может быть настолько сокрушительной, что надолго отодвинет перспективу превращения МЭ в самодостаточный и саморазвивающийся центр полицентричного мира, но и сделает из неё зону перманентного хаоса и войны всех против всех.

Впрочем, как бы ни относились к происходящему исследователи и наблюдатели, неоспоримым является то, что, несмотря на бурные и нередко трагические катаклизмы, объективные разноскоростные процессы модернизации развертываются под влиянием глобализации сегодня во всех мусульманских странах. Они существенно изменяют структуры и векторы развития их обществ и экономик. Поскольку под напором глобализации национальное государство повсеместно, а не только в зоне МЭ, сдаёт часть своих эксклюзивных прерогатив мощным транснациональным, наднациональным и субнациональным акторам, межкультурные и межцивилизационные перегородки стали более пористыми, а религиозные и традиционалистские скрепы – более слабыми.

В «восточных обществах» ускорились процессы модернизации, часть из которых привели к радикализации настроений населения – как внутри более консервативных его сегментов, так и в либеральных [20]. Это, в свою очередь, породило чудовищного Гермафродита – помесь «арабской весны» и «Исламского государства» (ИГИЛ/ИГ), понаведывавшегося во многие страны Африки и Азии, но особо ярко проявившего своё неразделимое «двуединое начало» в войне против светского национального государства в Сирии.

По сути, в наши дни речь идёт не о том, происходит или не происходит модернизация «восточных обществ» и даже не о динамике этого процесса, а о степени ее «типичности» или «атипичности» для нынешней фазы глобализации.

В этих условиях, при всей важности духовного, экономика, трудовая деятельность, благосостояние и, шире, материальная составляющая бытия оказываются главными стимулами модернизации в рассматриваемой части мира. Другие побудительные мотивы, такие, как идейная и культурная экспансия Запада, информационно-пропагандистское воздействие, демонстрационный эффект и «гедонистский синдром» в элитарной и в молодежной среде мусульманских стран тоже присутствуют и весьма значимы, но и они в своей глубинной первооснове зиждутся на фундаментальной тяге к повышению материального благосостояния и доступу к благам современной цивилизации и технического прогресса. Даже в среде радикалов такие ценности как труд, достаток и благоденствие членов уммы отвергаются (да и то не тотально) лишь крайними маргиналами.

Сложное соединение комплексных процессов общемирового, регионального и местного уровня в основном связанных именно с модернизационным процессом в мусульманском мире привело к определённой их повторяемости, предсказуемости и последовательности, которые в свою очередь способствовали качественной консолидации мусульманского мира как отдельного восходящего центра силы в глобальной экономике и политике.

Некоторые выводы и предварительные прогнозы

В фокус исследования настоящей статьи мы поместили рассмотрение нового качества мусульманской экономики – как формирующегося центра мировой экономической силы собственной (самостоятельной) значимости. По сути, речь идёт о потенциальной возможности (при условии преодоления противодействующих факторов) вызревания в перспективе самодостаточной экономической сущности (силы), которую условно можно назвать «глобальная мусульманская экономика» (ГМЭ), аналогично тому, как в ходе XX в., и в основном после Второй мировой войны, вызрела реально существующая консолидированная мировая экономическая сущность (сила), которую мы условно именуем «экономикой Запада». Конечно, процесс вызревания ГМЭ ещё вероятно далек от достижения зрелых или завершённых форм. Более того, сущностные черты ГМЭ всё ещё бывает трудно отделить от чисто географических (e.g. Ближний Восток) или товарно-отраслевых (e.g. нефтегазопроизводители) характеристик.

Возвышение отдельных мировых центров силы укладывается в общую парадигму выдвигания и консолидации позиций «новых игроков» в ходе смены ММЭР, а именно: в мировом балансе сил быстрыми темпами укрепляются позиции многонаселённых развивающихся стран, чьи экономики растут темпами, превышающими среднемировые. Возможно, по этим причинам такие страны начинают претендовать вначале на роль региональных локомотивов развития, затем – на место региональных сверхдержав, а в дальнейшем – на особые позиции в мировых политических и дипломатических иерархиях и статусных привилегиях, таких, например, как место в Совете Безопасности ООН и т.д. Некоторые из мусульманских стран (Индонезия, Турция, Иран, Саудовская Аравия) подпадают под все или большую часть перечисленных необходимых, но, увы, недостаточных критериев.

Представляется, что корректной выглядит следующая формулировка: «мусульманский полюс» многополюсного мира уже обозначился. На повестке дня вопрос о вызревании общего «мусульманского» центра силы полицентричного мира. Его окончательные геополитические очертания и степень его консолидированности пока остаются неопределёнными. Сегодня невозможно достоверно предсказать конкретные конфигурации будущей самоорганизации этого полюса полицентричного мира и характера его влияния на конкретные вопросы глобального миропорядка. Однако, процесс, на наш взгляд приобрёл качественно устойчивый характер. Точка невозврата им уже пройдена, а болезненный, противоречивый, а временами взрывоопасный процесс вызревания такого центра могут остановить только катаклизмы глобального порядка.

Список литературы:

1. Беккин Р.И. Исламская экономическая модель и современность. М.: Ин-т Африки РАН, 2010. 348 с.
2. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М.: Международные отношения, 2003. 568 с.
3. Журавлев А.Ю. Концептуальные основы мусульманской экономики // Исламские финансы в современном мире. Экономические и правовые аспекты. Под ред. Р.И. Беккина. М.: Умма. 2004. С. 5-37.
4. Игнатова Т.В., Подольская Т.В. Возможности глобального управления мировой финансовой системой: реалии и перспективы // Век глобализации. 2014. № 2 (14). С. 119 – 128.
5. Ислам в мировой политике в начале XXI века / под ред. Л.М. Ефимовой, М.А. Сапроновой. М.: МГИМО-Университет, 2016. 345 с.
6. Исламские финансы в современном мире. Экономические и правовые аспекты / под ред. Р.И. Беккина. М.: Умма, 2004. 273 с.
7. Кудряшова И.В. Мусульманская политическая идентичность: единство и разнообразие // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2017. С. 228-241.
8. Кузнецов А.В. Исламские финансы и их специфика в Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 12. С. 52-62.
9. Подберезкин А.И. и др. Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам. М.: МГИМО, 2018. 768 с.
10. Подберёзкин А.И., Родионов О.Е., Харкевич М.В. Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в Евразии. Аналитический доклад. М.: МГИМО, 2016. 123 с.
11. Примаков Е.М. Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. М.: ИД МГУ, 2014. 320 с.
12. Россия в полицентричном мире / под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Весь Мир, Институт мировой экономики и международных отношений, 2011. 580 с.
13. Симония Н.А., Торкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 27-37.
14. Сюкияйнен Л.Р. Исламская правовая мысль о глобализации и перспективах политическо-го реформирования мусульманского мира // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2007. № 4. С. 76-89.
15. Торкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития. М.: Аспект-Пресс, 2016. С. 204-215.
16. Фитуни Л.Л. Исламские финансы в постсоветских «восточных обществах» // Ученые записки Института Африки РАН. 2017. № 1 (38). С. 124-131.
17. Фитуни Л.Л. Смена моделей мирового развития и глобальное управление в цивилизационном измерении // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2013. № 4. С. 18-29.
18. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 7. С. 6.
19. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Негосударственные и квазигосударственные акторы Большого Ближнего Востока и проблема «евроджихадизма»: европейское лицо экстремистской угрозы // Азия и Африка сегодня. 2015. № 11. С. 2-11.
20. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Феномен «восточного общества» в современной Европе: парадигмы, вызовы, прогнозы // Современная Европа. 2017. № 4 (76). С. 5-16.
21. Abramova I., Fituni L. Russia, BRICS and the global supply chain of resources for development // Laying the BRICS of a New Global Order: From Yekaterinburg 2009 to Ethekwini 2013. Pretoria. 2014. Pp. 136-153.
22. Neoliberal Governmentality and the Future of the State in the Middle East and North Africa. Ed. by Akçali E. London and New York, Palgrave Macmillan Publ., 2016. 231 p.
23. Ali A., Organizational development in the Arab world // Journal of Management Development. 1996. Vol. 15. No. 5. Pp. 4-21.
24. Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, economic, and political change in 43 societies. Princeton: Princeton University Press, 1997. 464 p.
25. Islam in the 21st century. G.H. Ed. by Franco and S.L. Cervantes. New York: Nova Science Publ., 2011. 194 p.
26. Islamic Economics. Critical Concepts in Eco-

- nomics. Vol. 1-2. Ed. by Shafiq Algi and Amer Al-Roubaie. Abingdon, Oxon, New York: Routledge, 2014. 1872 p.
27. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, Simon & Schuster Publ., 1996. 166 p.
28. Noland M. Religion, Culture, and Economic Performance. Institute for International Economics Working Paper 03-8. Washington: Institute for International Economics, 2003. 57 p.
29. Power Relations in the Twenty-first century: mapping a multipolar world? Ed. by D. Murray and D. Brown. Abingdon, Oxon, New York: Routledge Publ., 2018. 225 p.

Об авторах:

Леонид Леонидович Фитуни – член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор; заместитель директора по научной работе Института Африки РАН; заведующий Центром глобальных и стратегических исследований ИАФ РАН; профессор РУДН. Москва, 123001, ул. Спиридоновка, 30/1.
E-mail: africa.institute@yandex.ru.

Ирина Олеговна Абрамова – член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор; директор Института Африки РАН; член Президиума РАН, профессор РУДН. Москва, 123001, ул. Спиридоновка, 30/1.
E-mail: dir@inafr.ru.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ). Проект № 16-07-00009 «Феномен "Исламского государства" в контексте развития современного восточного общества».

MUSLIM POLE OF THE WORLD ECONOMY AND THE GENIE OF GLOBALIZATION

L.L. Fituni, I.O. Abramova
DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-55-77

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
People's Friendship University of Russia

The article explores a process of gradual consolidation of disparate set of Muslim economies into an increasingly influential, though internally contradictory center of geo-economic and geopolitical gravity in contemporary multipolar world. It uses a theory developed by the authors explaining the patterns of formation and succession of models of global economic development. The article builds upon this theory by testing quantitative and qualitative parameters of the process on a specific geo-economic case.

The contemporary developments within the economic basis of the Muslim pole and the practical requirements of economic analysis reveals the need for categorical correction and refinement of political economy. Two following terms «Muslim economy» and «Islamic economy» must be differentiated. «Muslim economy» is a civilizational form of national economies in Muslim countries and an integral part of the global economy, including both the economic life and welfare of the global Muslim population and the economic potential, sustainability and the ability for self-development of the economies of Muslim states. «Islamic Economy» is an economy that implements in practice the primacy of Shariah norms over conventional market norms, procedures and mechanisms. Both of them constitute important material conditions for sustaining the Muslim civilizational identity.

In recent academic literature political, legal and religious aspects of Muslims upholding their identity have been sufficiently researched. In contrast the process of Muslim's world achieving a new qualitative status of a global economic power center (not to speak about its competition with other old and new powers for a place within a new global economic order), is practically absent from the Russian and international research.

The authors propose a vision of a new quality of Muslim economies in the global balance of power, in emerging model of the global world order, in financial globalization and global governance – the gradual consolidation of the Muslim world. The article argues that this process is still very far from reaching mature forms. Today it is hardly possible to reliably predict specific configurations of the future self-organization of the «Muslim pole» in the polycentric world and the nature of its influence on specific issues of the global world order. However, the point of no return is already passed, and the painful and contradictory process of development of such a center is unlikely to stop.

Key words: Muslim economy, Islamic economy, Islamic finance, geo-economics, world order, polycentricism, global governance, civilizational identity, global balance.

References

1. Bekkin R.I. *Islamskaya ekonomicheskaya model' i sovremennost'* [Islamic economic model and modernity]. Moscow, Institute of African Studies, RAS, 2010. 348 p. (In Russian).
2. Zhdanov N.B. *Islamskaya kontseptsiya miroponyadka* [Islamic concept of the world order]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2003. 568 p. (In Russian).
3. Zhuravlev A.Yu. Kontseptual'nyye osnovy musul'manskoy ekonomiki [Conceptual foundations of the Muslim economy]. Ed. by Bekkin R.I. *Islamskiye finansy v sovremennom mire. Ekonomicheskkiye i pravovyye aspekty* [Islamic finance in the modern world. Economic and legal aspects]. Moscow, Ummha Publ., 2004. Pp. 5-37. (In Russian).
4. Ignatova T.V., Podol'skaya T.V. Vozmozhnosti global'nogo upravleniya mirovoy finansovoy sistemoy: realii i perspektivy [Possibilities of global management of the world financial system: realities and prospects]. *Vek globalizatsii*, 2014, no. 2 (14), pp. 119 – 128 (in Russian).
5. *Islam v mirovoy politike v nachale XXI veka* [Islam in world politics at the beginning of the XXI century] / Ed. by L.M. Efimova, M.A. Saponova. Moscow, MGIMO-University Publ., 2016. 345 p. (In Russian).
6. *Islamskiye finansy v sovremennom mire. Ekonomicheskkiye i pravovyye aspekty* [Islamic finance in the modern world. Economic and legal aspects]. Ed. by Bekkin R.I. Moscow, Ummah Publ., 2004. 273 p. (In Russian).
7. Kudryashova I.V. Musul'manskaya politicheskaya identichnost': yedinstvo i raznoobraziye [Muslim political identity: unity and diversity] // *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic Edition]. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow, Ves' mir Publ., 2017. Pp. 228-241. (In Russian).
8. Kuznetsov A.V. Islamskiye finansy i ikh spetsifika v Yevrope [Islamic finance and its specifics in Europe]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2017, no. 61(12), pp. 52-62. (In Russian).
9. Podberezkin A.I., et al. *Mir v XXI veke: prognoz razvitiya mezhdunarodnoy obstanovki po stranam i regionam* [The world in the XXI century: the forecast of the development of the international situation by countries and regions]. Moscow, MGIMO Publ., 2018. 768 p. (In Russian).
10. Podberezkin A.I., Rodionov O.Ye., Kharkevich M.V. *Strategicheskyy prognoz razvitiya otnosheniy mezhdru lokal'nymi chelovecheskimi tsivilizatsiyami v Yevrazii. Analiticheskyy doklad* [Strategic forecast of the development of rela-

- tions between local human civilizations in Eurasia. Analytical report] Moscow. MGIMO Publ., 123 p. (In Russian)
11. Primakov Ye.M. *Vyzovy i al'ternativny mnogopolyarnogo mira: rol' Rossiyu* [Challenges and alternatives to a multipolar world: the role of Russia]. Moscow, ID MGU Publ., 2014. 320 p. (In Russian)
 12. *Rossiya v politsetrichnom mire [Russia in a polycentric world]*. Ed. by Dynkin A.A. Ivanova N.I. Institute of World Economy and International Relations. Moscow, Ves' Mir Publ., 2011. 511 p. (In Russian)
 13. Simoniya N.A., Torkunov A.V., Novyy mirovoy poryadok: ot bipolyarnosti k mnogopolyusnosti [New world order: from bipolarity to multipolarity]. *Polis. Politicheskkiye issledovaniya - Polis. Political studies*, 2015, no. 3, pp. 27-37. (In Russian)
 14. Syukiyaynen L.R. Islamskaya pravovaya mysl' o globalizatsii i perspektivakh politicheskogo reformirovaniya musul'manskogo mira [Islamic legal thought about globalization and prospects of political reforming of the Muslim world]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki - Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)*, 2007, no. 4, pp. 76-89. (In Russian)
 15. Torkunov A.V. Novyy mirovoy poryadok: ot bipolyarnosti k mnogopolyusnosti [New world order: from bipolarity to multipolarity]. *Politicheskaya nauka pered vyzovami global'nogo i regional'nogo razvitiya [Political science before the challenges of global and regional development]*. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2016. Pp. 204-215. (In Russian)
 16. Fituni L.L. Islamskiye finansy v post-sovetskikh «vostochnykh obshchestvakh [Islamic Finance in Post-Soviet "Eastern Societies"]]. *Uchenye zapiski Instituta Afrii RAN - Journal of the Institute for African Studies*, 2017, no. 1 (38), pp. 124-131 (In Russian).
 17. Fituni L.L. Smena modeley mirovogo razvitiya i global'noye upravleniye v tsivilizatsionnom izmerenii [Change of patterns of world development and global governance in the civilizational dimension]. *Vostok. Afro-Aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost' - Oriens. Afro-Asian societies: history and modernity*, 2013, no. 4, pp 18-29 (In Russian).
 18. Fituni L., Abramova I. Patterns of Formation and Transition of Models of Global Economic Development. *African Studies in Russia: Works of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences*, African Books Collective. MEA Books, Canada. 2014. Pp. 5-24.
 19. Fituni L.L., Abramova I.O. Negosudarstvennyye i kvazigosudarstvennyye aktory Bol'shogo Blizhnego Vostoka i problema «yevrodzhikhadizma» yevropeyskoye litso ekstremistskoy ugrozy [Non-state and quasi-state actors of the Greater Middle East and the problem of "Euro-jihadism": European face of an extremist threat]. *Aziya i Afrika segodnya - Asia and Africa today*, 2015, no. 11, pp. 2-11 (in Russian).
 20. Fituni L.L., Abramova I.O. Fenomen "vostochnogo obshchestva" v sovremennoy Yevrope: paradigmy, vyzovy, prognozy [The Phenomenon of "Eastern Society"]. *Sovremennaya Evropa - Contemporary Europe: Paradigmes, Challenges, Forecasts*, 2017, no. 76 (4), pp. 5-16 (in Russian).
 21. Abramova I., Fituni L. Russia, BRICS and the global supply chain of resources for development. *Laying the BRICS of a New Global Order: From Yekaterinburg 2009 to Ethekwini 2013*. Pretoria, 2014. Pp. 136-153.
 22. *Neoliberal Governmentality and the Future of the State in the Middle East and North Africa*. Ed. by E.Akçali. London and New York, Palgrave Macmillan Publ., 2016. 231 p.
 23. Ali A. Organizational development in the Arab world. *Journal of Management Development*, 1996, vol. 15, no. 5, pp. 4-21.
 24. Inglehart R. *Modernization and Post-modernization. Cultural, economic, and political change in 43 societies*. Princeton, Princeton University Press Publ., 1997. 464 p.
 25. *Islam in the 21st Century*. Ed. by G.H. Franco and S.L. Cervantes. New York,

- Nova Science Publ., 2011. 194 p.
26. *Islamic Economics. Critical Concepts in Economics*. Vol. 1-2. Ed. by Shafiq Algi and Amer Al-Roubaie. Abingdon, Oxon, New York, Routledge Publ., 2014. 1872 p.
27. Huntington, Samuel P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, Simon & Schuster Publ., 1996. 166 p.
28. Noland M. Religion, Culture, and Economic Performance. *Institute for International Economics Working Paper* 2003, no. 03-8. Washington, Institute for International Economics Publ., 2003. 57 p.
29. *Power Relations in the Twenty-first century: mapping a multipolar world?* Ed. by D. Murray and D. Brown. Abingdon, Oxon, New York, Routledge Publ., 2018. 225 p.

About the authors:

Leonid L. Fituni – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr.Sc. (Economics), Professor; Deputy Director, Institute of African Studies, Russian Academy of Sciences; Professor PFUR. Moscow, 123001, Spiridonovka str., 30/1.
E-mail: africa.institute@yandex.ru.

Irina O. Abramova – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr.Sc. (Economics), Sciences, Professor; Director of the Institute of African Studies; member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Professor PFUR. Moscow, 123001, Spiridonovka str., 30/1. E-mail: dir@inafr.ru.

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR/RFFI). Project № 16-07-00009.